

Что такое кротость? Чем тяготятся люди больше всего? Кто такие оглашенные?

*На эти и другие вопросы читатели найдут ответы
в новой книге протоиерея Александра Лебедева*

Что думает священник о приносящем исповедь грешнике? Зачем святые истязали себя? Как поменять имя и наладить судьбу? Кто такие оглашенные? Правда ли, что Христос был евреем? Перечень вопросов, на которые отвечает батюшка в книге «Предлагаю не мелочиться, или Какая польза от веры?», можно продолжать долго: в книге их ровно сто, как и ответов, разумеется.

Разные люди их задавали, с разными целями – есть вопросы, что называется, провокационные, а есть такие, которые можно задать только человеку, которому очень доверяешь.

«Наше время, – считает отец Александр, – можно назвать временем готовых рецептов. На извечно мучивший человечество вопрос «Что есть истина?» сейчас предлагается своеобразный и одновременно очень жесткий, не терпящий возражений ответ: «Истина – это то, что вам сегодня сказали по телевизору». Вот он – готовый ответ на все вопросы: смотри телевизор, там тебе всё покажут и расскажут. Очень удобно – думать не надо, за тебя уже подумали, остается только потребить готовый продукт».

Можно ли в таких условиях стать человеком рассуждающим, осмысливающим то, что происходит с каждым из нас в отдельности и со всеми вместе?

«Человек, воспитанный телевизором, – полагает отец Александр, – склонен мыслить мелко: верить первому, поверхностному впечатлению, а всё, что с первой попытки понять не удастся – отвергать. Таких, воспитанных телевизором людей сейчас немало. Но каков бы ни был человек, душа его – христианка, и к Церкви она тянется».

Протоиерей Александр считает: «Вопрос – свидетельство работы мысли. Человек не отверг что-то непонятное, а заинтересовался им, начал обдумывать, но наткнулся на препятствие. Соответственно, задача отвечающего на вопрос – дать мысли продолжить свою работу, рассчитать для этого место». Автор этих книг не даёт готовых рецептов, как жить и что делать в том или ином случае, а показывает, как самому найти ответ на вопрос. Наверное, именно поэтому первая книга отца Александра – она называлась «Бог желает людям счастья. Что мешает нам быть счастливыми?» – недавно вышла уже вторым изданием. Первое разошлось меньше чем за год.

Вторая книга протоиерея Александра Лебедева, как и предыдущая, вышла в библиотеке вологодского епархиального журнала «Благовестник». Это уже четвертая книжка библиотеки, причем три из них вышли за последние два года. О третьем выпуске библиотеки, книге

Протоиерей Александр Лебедев

**ПРЕДЛАГАЮ
НЕ МЕЛОЧИТЬСЯ,
или
КАКАЯ ПОЛЬЗА
ОТ ВЕРЫ?**

**ОТВЕТЫ
НА ВОПРОСЫ
О ПРАВОСЛАВИИ
В СОВРЕМЕННОЙ
ЖИЗНИ**

Владимира Антоновича Яцкевича, «Благовестник» рассказывал в предыдущем номере. Сегодня представляем читателям книгу протоиерея Александра Лебедева.

Как узнать, что греховно, а что – нет?

Ответы на вопросы о Православии в современной жизни из книги протоиерея Александра Лебедева «Предлагаю не мелочиться, или Какая польза от веры?».

Все чего-то хотят от Бога: кто – земного благополучия, а кто – небесного. Но нормальные, искренние отношения должны быть бескорыстны, по крайней мере, так это у нас, людей. Что же верующие с Богом-то торгуются? Это разве нормально?

Чего-то хотеть от Бога не постыдно, а естественно. Для человека вообще естественно оценивать все явления окружающего мира с точки зрения полезности. Поэтому отсутствие каких-либо желаний по отношению к Богу говорит о том, что Бог не воспринимается как реально существующая и действующая величина: существование Бога, возможно, и не отрицается, но Он выносится за скобки нашей жизни, человек живет помимо Него. И с этой точки зрения тот, кто имеет хоть какие-то, пусть и корыстные, интересы к Богу, лучше, чем тот, кому Бог не интересен вовсе.

Есть такое направление в религиозной философии – деизм. Его последователи думают, что Бог создал мир как некий механизм, запустил его, как заводят часы, и удалился – дальше всё идет само собой по отлаженным законам и не требует вмешательства. Это в корне неверно. Верующие считают, что Бог не только «где-то там» существует, но ежесекундно участвует в нашей жизни. Поэтому возможно то, что принято называть религией, то есть связь с Богом. И это – самое важное из всего, что может человек от Бога хотеть.

Конечно, корыстное отношение к Богу возможно, человек может исполнять заповеди и считать, что Бог ему за это чем-то обязан, но такого человека ждет большое разочарование. Христос об этом предупреждал: «Вы, когда исполните всё повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать» (Лк. 17, 10). В том, что человек соблюдает заповеди, особой его заслуги нет, как нет заслуги рыбы в том, что она плавает, а птицы в том, что она летает – все они лишь живут в соответствии со своей природой. Человеку естественно быть нравственным, как рыба – плавающей, а птице – летающей. Главное желание и стремление православного человека – попытаться вернуть то естественное нравственное состояние, которым обладали люди в раю. Так что единственная наша корысть – быть такими, какими нас задумал Бог. А чего еще сверх этого, каких других, более значительных, благ можно хотеть от Бога?

Бог есть любовь, и главная заповедь – это заповедь о любви к Нему, и если она (любовь) есть, то все отношения, даже корыстные, приобретают особый оттенок. Нечто подобное мы видим в отношениях родителей и детей. Родители заботятся о детях, забота имеет материальное выражение, и дети этим пользуются – это естественно, а могут и дополнительно родителей о чем-то просить – это не менее естественно, но никому в голову не придет утверждать, что детская любовь к родителям – это любовь неискренняя, продажная, любовь за деньги или чупа-чупсы. Подобным должно быть наше отношение к Богу, ведь не ради красного словца мы Его называем Отцом, а Он нас – детьми.

Почему Бога нужно бояться? Что такое страх Божий и почему говорят, что с него начинаются отношения с Богом?

Первое впечатление часто обманчиво. Это верно и по отношению к словам: бывает так, что непривычное ухо в услышанном различает совсем не тот смысл, которым слова наделены. Чтобы правильно понять слова, нужно быть к ним внимательным.

Вот и словосочетание «страх Божий» очень часто воспринимается как обозначение некоей фобии, хотя в таком случае оно звучало бы как «страх Бога». Предмета своего страха люди, как правило, стремятся избегать. И в этом смысле нелепо было бы говорить что с «богофобии» начинаются отношения человека с Богом, наоборот, страх Бога заставляет человека отвращаться от мало-мальского намека на отношения с Ним.

В словосочетании «страх Божий» речь идет не о предмете страха, а об особом его (страха) качестве: бывает страх панический, бывает неосознанный, а бывает – Божий. Он, действительно возникает сразу, как только человек приобретет первый опыт богоощущения, богопознания. Ведь как только мы приобретем какую-либо ценную вещь, у нас появляются опасения её потерять, и для того, чтобы этого не произошло, мы принимаем соответствующие меры. Подобным образом человек, узнавший на своем опыте, что Бог емсть, протянувший к Нему ниточку молитвенной связи, будет бояться её оборвать и сделает всё, чтобы её сохранить. То есть будет стремиться жить по заповедям и избегать греха. Что и принято называть богобоязненностью.

Я пробовал читать Евангелие, ничего не понял. Что делать?

Если коротко, то – продолжать чтение.

В Евангелии не так уж и важно понимать всё – это, кстати, невозможно, потому что непознаваем Бог – главное действующее лицо евангельского повествования. В Евангелии важно понять главное: в нём, сквозь него, через него в какой-то степени Бог нам все же открывается. Евангелие – книга Откровения. Откровение возможно лишь в рамках и понятиях личных отношений: камень, допустим, не может о себе рассказать, написать, объяснить свои свойства; и человек не может рассказать о себе камню – точнее, камень не сможет этот рассказ воспринять. А вот человек человеку открыться может, но как он будет понят, зависит от внимания, расположения, желания, в общем – от личных качеств собеседника. Подобным же образом понимание Евангелия зависит от личных качеств читателя. Если Евангелие непонятно – значит, надо что-то изменить в себе. Христос не скрывает, в каком направлении надо работать: «Блаженны чистые сердца, ибо они Бога узрят» (Мф. 5, 3). Очистение своего сердца, своей жизни от греха на многое открывает человеку глаза, в том числе – и на содержание Евангелия.

Главная причина того, что Евангелие непонятно, – это

неправильный способ его (Евангелия) чтения. Евангелие нельзя читать отстраненно, считая, что все описанные события происходили где-то там и когда-то давно, а слова Христа относятся к кому-то другому. Евангелие нужно примерять на себя и делать прямые и честные, хоть и очень неприятные выводы о том, каково мое нравственное состояние и что мне в себе надо менять. Если человек возьмется за Евангелие с таким настроем, то ему будет открываться смысл Нового Завета.

Если в течение своей жизни человек не стоит на месте, если в нем происходят нравственные изменения, то, неоднократно перечитывая Евангелие (что очень рекомендует), он заново многое для себя открывает всё в тех же вроде бы хорошо знакомых строчках. Каждый раз Евангелие в руки беру я нынешний, а не прежний, поэтому каждый раз через Евангелие Бог открывает мне нечто новое, если, конечно же, я не утратил духовного зрения. Какие-то строчки, конечно, остаются непонятными – что ж, обидно, но придется оставить их на потом и читать дальше, может, в будущем удастся дорасти и до них. Ведь Евангелие – это книга на вырост.

Человек сотворён свободным, но до того, как узнал зло, он не мог выбирать между добром и злом. Получается, что свою свободу человек не может реализовать без зла. Стало быть, зло в нашей жизни необходимо должно присутствовать? Оно так же нам необходимо, как добро?

Понятие свободы не сводится просто к свободе выбора, и даже, как ни парадоксально может показаться на первый взгляд, противоположно ему. Наверное, каждый из нас знаком с ситуацией выбора, чаще всего эта ситуация в большей или меньшей степени мучительна. Человек колеблется, взвешивает варианты и сомневается, очень часто просит совета (в том числе и чтобы избежать ответственности за выбор), потому что в большинстве случаев стоящий перед выбором человек сам не знает, чего хочет. Человек же цельный, с определёнными и твердыми убеждениями, не знает ситуаций выбора: есть другие варианты или нет – он будет действовать в соответствии со своими убеждениями, со своими желаниями. Но ведь это и есть свобода – поступать так, как считаешь нужным. И этой свободой – жить в соответствии со своей природой – человек в раю обладал во всей полноте. Несмотря на отсутствие зла (впрочем, даже – благодаря этому отсутствию), жизнь его не была неполноценна, подобно тому, как не может быть названа неполноценной жизнь ребенка, который не знает, что такое зло и не запятнал себя грехом. Поэтому и говорил Христос: «Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18, 3-4).

Почитал я Библию, а там – многоженство: у Авраама, у Иакова по две жены, и ничего страшного – Бог с ними общается. Так почему же сейчас говорят, что кроме жены у мужчины не должно быть никого?

Есть такое выражение – из грязи в князи. Оно описывает внезапный переход человека из низменного состояния в достойное и почетное. Но оно пропускает некий промежуточный этап – отмыwanie от грязи. Любопытно, кто пробовал отмыть въевшуюся грязь, знает, что быстро это не получается, порой она в течение нескольких дней остается в склад-

ках и порах кожи и очень медленно и постепенно сходит. Нечто подобное происходит и с нравственной грязью – невозможно внезапно сделать человека добродетельным, его нужно долго воспитывать, постепенно ограничивая низменные проявления. С этой точки зрения наличие двух жен у ветхозаветных патриархов, как, впрочем, и установление Мухаммеда позволяющее иметь четырех жен – это меры не разрешающие, а ограничивающие многоженство. Да, ограничивающие, и оставляю на волю вашей фантазии предполагать, каково же было положение с женским вопросом у племен, среди которых жили Авраам и Иаков. Женщина редко воспринималась в качестве человеческого существа, чаще – как некая одушевленная вещь, а кто может запретить (особенно – богачу) умножать свое имущество? Наличие у патриархов, при всём их богатстве, всего лишь двух жен на общесторическом фоне, действительно, характеризовало их как людей повышенной нравственности.

История не стоит на месте, все изменяется, в том числе и состояние нравственности. Изменения эти происходят закономерно, поэтому после перехода от многоженства к двоеженству вполне логичным представляется следующий переход – к моногамии. Люди (в большинстве известных сообществ), хоть и постепенно, но приблизились к изначальному, райскому состоянию, когда «оставит человек отца своего и мать свою, и прилепится к жене своей, и будут два – одна плоть» (Быт. 2,24). Моногамия всё же обоснованно считается нормой.

Получается, что для древних патриархов двоеженство было шагом, приближающим их к раю, а для нашего современника это будет шагом в совершенно противоположную сторону.

Зачем нужно поститься? Неужели Богу не всё равно, что у меня в тарелке?

Исполнение человеком заповедей и церковных установлений, конечно, не может добавить Богу каких-либо благ или чести. Это язычники были уверены, что боги питаются дымом жертв алтарей, они искренне считали, что с прекращением почитания их боги погибнут. Такую опасность жрецы увидели когда-то в христианстве. Во времена гонений на христиан первых трех веков по Рождестве Христовом их обвиняли не в том, что они верят в Христа как в Бога, а в том, что запрещают поклоняться другим богам. Для нашего же сознания очевидно, что Бог существует вне зависимости от того, верят в Него люди или нет, живут по Его заповедям или как получится.

Кому же тогда нужен пост и исполнение других церковных предписаний? Нам, людям. Богу оказывается не всё равно, как мы живем, потому что Он к нам небезразличен. Он любит каждого из нас настолько, что в свое время принял смерть ради нашего блага, а следовательно, Он не может быть к нам безучастен. Поэтому все заповеди, а вслед за ними все церковные предписания имеют своей целью благо человека.

В чем благо и польза поста? В том, что он дает нам возможность развить свою волю. Пост – это способ её укрепления, тренировочное упражнение. Если ты в малом – пище – не можешь переступить через свое «хочется», то сможешь ли ты в жизни в более важных вопросах поступать через «не хочу»? Сможет ли поднять гиру тот, кто не смог поднять гантели? Очевидно – нет. Сила воли, как и мускульная сила,

нуждается в тренировках. Каждому человеку в жизни для достижения своих целей часто приходится выбирать между «хотется» и «правильно», поэтому тренировка силы воли никогда не бывает излишней. Путь к Богу тоже лежит через преодоление своих «хотелок», поэтому пост может помочь человеку стать ближе к Богу.

Кроме того, пост помогает нам почувствовать себя нормальными людьми. Это попытка поставить в себе более важное, духовное на должное место – над физиологическим, животным. Ведь не секрет, что зачастую наше отношение к Богу строится на остаточном принципе. Сначала мы заботимся о брюхе, а потом, если останутся время, силы и желание, – о душе. Но это ведь ненормально! Пост как раз дает нам возможность попытаться исправить эту аномалию.

Мне как-то стыдно исповедоваться. Я не безгрешен, признаю, и о многих моих делах сожалею, но зачем о них знать священнику? Это так унижительно. Неужели это необходимо ради прощения грехов?

Это действительно необходимо, потому что в деле прощения грехов не мы, люди, определяем правила, следовательно, не нам их и отменять. Так установил Христос, что в Церкви есть лица, имеющие от Бога власть прощать грехи, лица, через которых Святой Дух непостижимым действием очищает душу кающегося от грехов. Однажды, после Своего воскресения Христос явился ученикам, «дунул, и говорит им: примите Духа Святаго. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся» (Ин. 20, 22-23). Речь здесь идет не только о прощении обид – все мы призваны прощать грехи ближних против нас. Речь об особом действии, на которое стали способны апостолы в силу некоего воздействия Святого Духа, – прощения грехов от лица Бога. Как известно, апостолы рукоположили себе преемников, передав им власть прощать и оставлять грехи; подобным образом власть эта в Церкви передается по сию пору, ею обладает духовенство – епископы и священники.

Поделись личными переживаниями по обсуждаемому вопросу: я тоже был бы рад, если бы прощение грехов подавалось людям через какую-то иную процедуру. Мне, как священнику, поверьте, не составляет удовольствия приобщение к знанию неприглядных сторон жизни людей, их душ. Однако приходится принимать то положение дел, которое существует.

Стыд на исповеди нормален, естественен, но его нужно не то что побороть (если поборешь – рискуешь стать бестыжим), а пережить, перетерпеть. Есть кое-что, что помогает согласиться на прохождение сквозь стыд признания своих грехов. Прежде всего, нужно понимать, Кому мы исповедуем свои грехи – не священнику, а Богу, поэтому и стыдиться нужно не священника, а Бога. Чаше всего бояться: «Что подумает обо мне священник? Он, наверное, будет меня презирать». Всё это совершенно не важно; важно, простит меня Господь или нет. Исцелит Он мою душу, очистит от грехов – или мне придется и дальше идти по жизни, чавкая ногами в жиже болота своих грехов, погружаясь в него всё глубже и глубже, пока не... Даже подумать страшно, что может ожидать в итоге.

Во-вторых, не помешает знать, что тот стыд, который нас отпугивает от исповеди, нам неизбежно предстоит перенести, и в гораздо большей степени, на Страшном суде, когда наши греховные язвы станут явными не только для

нас, нашей совести, но и для всех других. Христос говорил, что всё тайное станет явным. Без всяких преувеличений, щемящий душу страх и стыд берет при мысли о том, что греховные наши дела, движения души, которые мы привыкли скрывать от других, в которых мы сами себе часто боимся признаться, станут очевидны всем. Всем! Так что человек, сгорая от стыда во время исповеди, избегает еще большего стыда в будущем, когда грехи, изглаженные из души покаянием, Господь не помянет.

Тем же, для кого имеет значение, чем подумает священник о человеке, приносящем исповедь, скажу, что страх и стыд – это только часть тех чувств, которые испытывает человек на исповеди. Если пройти через их очищающее действие, то на смену им приходит радость. Совершенно особая радость, в которой есть и облегчение – оно ощущается чуть ли не физически; и успокоение совести; и переживание примирения с Богом, похожее на чувство возвращения в родной дом, где все тебя любят и ждут; и надежда на начало жизни «с чистого листа»; и благодарность Богу за спадающую с души гору грехов. К моему великому счастью, это чувство обоюдное: и кающегося, и исповедующего. Поэтому я искренне благодарен Богу за то, что Он дал мне эту радость в жизни – принимать исповедь, быть свидетелем возрождения душ человеческих.

Вот говорят: это – грех, то – грех. Насчет убийства, например, я не спорю, а вот почему, как я слышал, красить могильные ограды в високосный год – грех. Есть ли какие-то признаки, по которым можно узнать, что – грех, а что – нет?

Признаки такие есть, самый яркий – это наша совесть. Если она не спокойна – значит, есть опасность греха. Потому, кстати, она и называется со-вестью, со-веданием, что благодаря ей человек ведаёт, что творит, понимает: по-божески он поступает или нет. Однако известно, что совесть поддается приручению, и может молчать тогда, когда должна тревожить, и наоборот (что происходит реже) – найти повод для сомнения там, где его нет. Поэтому совесть нужно верить по Евангелию – читать его чаще и спрашивать себя: а так ли я живу, как нам Христос заповедал? Чтением Евангелия со временем у человека вырабатывается особое нравственное чутьё, благодаря которому можно не вдаваясь в глубокий анализ головоломной ситуации, определять её (ситуации) нравственный заряд – положительный или отрицательный. Ведь для того, чтобы узнать испортилась пища или нет, не обязательно отдавать её на экспертизу – достаточно просто понюхать. Подобным образом помогает человеку и нравственное чутьё.

Что касается могильных оград... Здесь мы сталкиваемся с суеверием. Главная отличительная черта суеверия – его нелогичность, бессмысленность. Ну, в самом деле, – почему нельзя красить ограды в високосный год? Есть этому какое-либо объяснение? Очень сомневаюсь. В запретах же, если они налагаются на человека Церковью, всегда есть смысл, и всегда он восходит к ключевому моменту – соответствию наших поступков воле Божией. Классическое определение греха, кстати, так и звучит – нарушение воли Божией.

Так что в следующий раз, когда придется столкнуться с утверждением, подобным упомянутому високосногодному запрету, прибегнем к излюбленному детскому вопросу: «А почему?»

Можно ли общаться с людьми другой веры? А дружить? А молиться за них?

Думаю, что на все три вопроса можно ответить «да». Теперь выскажу соображения по каждому в отдельности. Если бы существовал запрет на общение с людьми другой веры, христианство погибло бы в зародыше, ведь такой запрет делает невозможным проповедь Евангелия. Другое дело, что такое общение делает возможным и противоположное: переход из христианства в другую веру. Но если попытаться исключить из жизни всё, что потенциально может привести к утрате или перемене веры, то придется заткнуть уши, завязать глаза и в одиночестве влачить свое существование. Не думаю, что кого-либо такой образ жизни устроит, не думаю так же, что и Бога мы этим порадуем. Поэтому, на мой взгляд, в общении с иноверцами нужно провести некую черту между отношениями в повседневных делах и в вопросах веры. В повседневных делах – полная свобода общения, в рамках, конечно, заповедей. В вопросах веры возможен обмен мнениями, обсуждение особенностей вер, сравнение их – всё это очень интересно и к тому же, заставляет лучше узнавать свою веру и тверже её придерживаться, ведь волей-неволей в таком случае человек становится или защитником, или проповедником христианства. В этом деле важно помнить, что особую убедительную силу имеют не столько слова, сколько дела. Христос об этом говорил: «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф. 5, 16). Прервать общение с иноверцем, как, впрочем, и с любым другим человеком, следует в том случае, если мы наталкиваемся на навязывание своей веры, когда человек даже не пытается соотносить свои проповеднические усилия с нашим желанием их воспринимать, если мы слышим откровенную и сознательную хулу против нашей веры, если собеседник одержим желанием постоянно спорить по вопросам веры. В таких случаях, когда человек по отношению к нам глух, вряд ли имеет смысл поддерживать «игру в одни ворота».

Дружба между людьми разных вер не только возможна, но и желательна; она, безусловно, лучше вражды. Рассказ Н.С. Лескова «Сказание о Феодоре-христианине и о друге его, Абраме-жидовине» описывает пример такой дружбы между христианином и иудеем, дружбы, прошедшей через серьезные испытания, в том числе и через испытание рознью. И хотя со всеми мнениями, вложенными автором в уста своих героев я согласиться не могу, но главная мысль их рассуждений верна: тот, кто находится в состоянии вражды, далек от Бога, каким бы он Его ни представлял. Если человек с ближним не может наладить отношения, то как он сможет наладить отношения с Богом, столь далеким от нашего разума.

Молитва за иноверных возможна, но, разумеется, с оговорками. Поскольку человек не изъявил желания присоединиться к Православной Церкви, Она (Церковь) не может навязывать такому человеку своих молитв. Поэтому церковное поминовение иноверцев на литургии, молебнах, панихидах, иных молитвенных последованиях не совершается, за них не подаются записки о здравии и упокоении. Единственный способ возможного их церковного поминовения – это звучащее на литургии и других службах прошение «О бого-

Сомневается в силе божественного прощения тот, кто имеет смутное представление о том, что такое прощение, кто сам не склонен прощать другим обиды. И для того, чтобы такие сомнения преодолеть, достаточно просто понудить себя простить своих обидчиков.

хранимой стране нашей, властех и воинстве ея». Когда мы так молимся, то, естественно, имеем в виду, что не все представители нашей страны, власти и воинства – православные.

Есть еще такое понятие, как молитва келейная, то есть личная, совершаемая человеком в келье (то есть дома), наедине с Богом. В такой молитве можно и нужно поминать и своих знакомых иноверцев, если к этому подталкивает нас чувство дружбы. Помня о том, что Бог любит каждого человека и даже каждую тварь, мы можем просить Его о том, чтобы Он не обделял тех, за кого мы молимся. Своими благами, нашел ключик к их душам и привел к величайшему из возможных благ – познанию истинного Бога.

Сколько раз люди обманывали мое доверие! Как же в них не разувериться, как же не быть подозрительной?

Чтобы не разочаровываться, нужно не очаровываться. Чтобы не мучиться от того, что люди не оправдали ваших ожиданий, не нужно ожидать от людей больше того, на что они способны. Все мы несовершенны и, увы, от наших несовершенств страдают окружающие нас люди. Надо постараться прочувствовать на себе правоту этого утверждения, внимательно присмотреться к себе, припомнить случаи из жизни, когда мы сами были причиной чьего-то неудовольствия, и стараться не требовать от людей большего, чем от себя. «Всякий человек ложь» (Пс. 115, 2). Такими словами Священное Писание говорит о всеобщей нашей ущербности.

Впрочем, мои слова не стоит расценивать как призыв к тотальному недоверию, предвзятости и мнительности. Это, по моему искреннему убеждению, еще более худшая жизненная позиция, чем постоянное разочарование в людях. Ведь разочарование посещает нас время от времени – когда для этого есть поводы, а мнительность грызет нутро человека постоянно. Все-таки эпизодическая боль лучше хронической. Поэтому лучше доверять и обманываться, чем подозревать всех во всем.

Не так давно встретила мне мысль какого-то философа, которая совпала с моим, поверьте, выстраданным, мнением по этому поводу. Мысль такая: правильное отношение к людям – это доверие, допускающее всё же возможность предательства. Сердце человека достаточно велико, чтобы вместить в себя и то, и другое.

Я много раз исповедовался, но сомневаюсь: прощен ли мой грех. Как это узнать?

Вера в Бога подразумевает и всецелое доверие Ему, в том числе доверие силе Его прощения, осознание огромного, бес-

конечного масштаба Его милости. Господь установил в Своей Церкви Таинство Исповеди, в котором происходит прощение грехов и очищение души силой божественной милости. И сомневаться в этой силе – значит сомневаться в Боге. Поэтому сомнения в прощении Богом моего греха – от лукавого. Говорят, что дьявол губит человеческие души двумя способами. Прежде сотворения греха он рисует его (грех) в мысленном взоре искушаемого человека как нечто незначительное, простительное – так он подталкивает человека к нарушению заповедей. Когда грех совершен, тактика меняется: теперь дьявол внушает человеку, что совершенный им грех очень велик и прощения ему нет, и не пуститься ли теперь во все тяжкие – всё равно погибать. Нельзя поддаваться действию лукавого, нельзя сомневаться в действительности исповеди.

Сомневается в силе божественного прощения тот, кто имеет смутное представление о том, что такое прощение, кто сам не склонен прощать другим обиды. И для того, чтобы такие сомнения преодолеть, достаточно просто понудить себя простить своих обидчиков. Простит человек обиду раз, другой, и поймет: если это получается у меня, так неужели у Бога на это сил не хватит? Хватит, и с избытком.

Однако уверенность в могущественной силе милости Божией не должна служить причиной легкомысленного отношения к своим грехам: мол, Бог добрый – всё простит. Простить-то простит, но это не значит, что грех проходит бесследно. К примеру, родители запретили ребенку гулять без шапки, тот не послушался и заболел. Родители его поругали, но куда деваться? – простили. Всё вроде бы замечательно, конфликт исчерпан, но болезнь-то осталась, и какое-то время ребенок провел в постели, а в будущем, благодаря такому детскому легкомыслию, стали возможны осложнения. Так вот и грех может иметь, и чаще всего имеет, последствия, в том числе, далеко идущие. Память об этом и должна служить противовесом беспечного отношения к совершенным грехам.

Вот часто слышу: святые Отцы говорили, читайте святых Отцов... А кто они такие?

Святость – явление очень многообразное, в этом можно убедиться, заглянув в православный календарь. Мы увидим, что святые именуются мучениками, преподобными, исповедниками, блаженными и т.д. Но вот «святых Отцов» мы там не увидим. Так принято называть тех святых, чьи мысли и мнения по вопросам веры и христианской жизни известны Церкви (то есть чаще всего сохранились какие-то письменные их труды), и признаются Церковью авторитетными. То есть в понятие «святой Отец» вносится смысл учительства: образ жизни и мысли святых Отцов был не только спасителен для них самих, но в силу различных обстоятельств приобретал общеизвестный характер и служил ориентиром для других. Чаще всего среди святых Отцов мы встречаем преподобных – тех святых, кто вел монашеский образ жизни, и святителей – иерархов Церкви. Условно (очень условно, потому что рисуемая грань не жесткая) можно сказать, что одни из них преимущественно учили правильной жизни, а другие – правильной вере.

Святых Отцов, действительно, очень полезно читать, поскольку в этом случае человек приобщается к их коллективному разуму. Известна пословица о том, что один ум – хорошо, а два – лучше. Что же тогда можно сказать о едино-

мыслии сотен человек! Насколько авторитетным, продуманным, надежным будет мнение, имеющее под собой такой фундамент! Когда нас спрашивают о мнении по тому или иному поводу, то часто (и справедливо) ответ свой мы начинаем словами: «Как мне кажется...» Обращение к святым Отцам и согласование своих мыслей с ними позволяет избавиться от этого присловья.

Почему у святых такая специализация: одним молятся об учебе, другим – о замужестве, кому-то – когда голова болит? А есть ли святые «широкого профиля»?

Равенство перед Богом не означает абсолютной схожести между собой. Существующая «специализация» святых становится понятнее, если мы будем воспринимать стремление к святости не как сведение всех людей к одному, пусть и весьма хорошему, знаменателю, не как вписывание в прокрустово ложе через нивелирование индивидуальных особенностей, а как служение Богу всеми дарованными Им талантами. Тогда становится понятно, что святые – люди разного времени, разного рода жизни – имели разные личные, психологические особенности и не отсекали их, а использовали в деле служения Богу и ближним. Как о каждом человеке, так и о святом можно сказать, что он имел свой особый характер. Имел и, думается, имеет сейчас. Поэтому мы надеемся, что святые, попадавшие в жизненные ситуации, подобные нашим, испытавшие лично на себе то, что выпадает на нашу долю, будут отзывчивы на наши молитвы. «Рыбак рыбака видит издалека», и поэтому рыбаки просят молитвенной помощи у апостола Андрея (он был рыбаком), воины – у великомученика Георгия Победоносца, врачи – у великомученика и целителя Пантелеимона... и так далее.

Несколько иначе обстоят дела у студентов: они почитают своей покровительницей мученицу Татиану, потому что в день ее памяти, 25 января, начал свою деятельность первый в России университет – Московский. По схожей причине воины, связавшие свою службу с ракетными войсками, особо почитают великомученицу Варвару – указ об образовании РВСН был подписан 17 декабря, в день памяти этой святой.

Если мы познакомимся с житием Преподобного Сергия Радонежского, то поймем, почему ему молятся в случаях затруднений в учебе: в отрочестве он сам испытывал такие затруднения, однако, с помощью Божией, их преодолел. У мучеников просят помочь научиться терпению, у преподобных – внимательному отношению к своей жизни, у нестяжателей – побороть жадность.

Нужно просто стараться узнавать о святых, читать их жития, тогда и молитва наша к ним будет осмысленной, а значит, более успешной. Ведь мы по-разному обращаемся с просьбой к знакомому или же незнакомому человеку: разными словами, с разной степенью надежды и доверия. Так и в молитвах: чем больше мы знаем о святом, тем с большей надеждой и с большей верой к нему обращаемся. А, как известно, «надежда не постыжает» (Рим. 5, 5).

Вопрос о широкопрофильных святых весьма условен, ведь в каждом благом деле каждый из святых нам сомолитвенник и помощник. Помня об этой условности, всё же решусь в качестве «широкопрофильного» святого указать каждому русскому человеку известного Святителя Николая Чудотворца. Его житие и описания чудес, которые совершались по его молитвенному ходатайству уже после отшествия

ко Господу, поражают разнообразием тех житейских ситуаций, в которых люди получали от Святителя помощь. При жизни Святитель Николай был удивительно отзывчивым человеком, и продолжает быть таким. Ему молятся путешественники, потому что многочисленны случаи помощи святителя мореходам. Поэтому так часты Никольские храмы вдоль торговых (особенно водных) путей – путешественники на протяжении всего пути старались быть под покровительством удивительного святого. «От Вологды до Колы (северный, допетровский, торговый путь из Руси в Европу – прот. А. Л.) тридцать три Николы» – такая бытовала поговорка в наших краях. Известны и нередки случаи помощи святителя людям, находящимся под судом или в заключении, несправедливо осужденным или обвиняемым. Даже такие далекие, казалось бы, от забот епископа дела, как брачные, – и те не были обойдены вниманием святителя. В его жизнеописании сохранился трогательный рассказ о том, как святитель помог, как сейчас говорят, устроить личную жизнь трем дочерям одного обедневшего человека. Так что и о создании семьи, о ее крепости и сохранении тоже молятся Святителю Николаю. Ну, и прочая, прочая, прочая – перечислять случаи помощи людям этого святого можно если не бесконечно, то уж точно, очень долго, тем более, что они всё продолжают и продолжают происходить.

Я немного завидую священникам и врачам – у них такие хорошие профессии: делают добрые дела, да еще и зарплату получают. В рай идут без отрыва от производства. А как спасаться, к примеру, сантехнику или секретарше?

Очень просто, и тоже без отрыва от производства. Нужно только не выносить свою профессиональную деятельность за пределы нравственного пространства и делать свою работу не просто ради заработка, а еще и ради Бога. Апостол Павел так и говорит: «Едите ли, пьёте ли, или иное что делаете, всё делайте в славу Божию» (1 Кор. 10, 31). Про какую еду и питье идет здесь речь – это особый разговор, нам же важна мысль апостола о том, что любое действие человека может быть совершаемо во славу Божию. Для этого нужно лишь особое внутреннее расположение – стремление всё делать на совесть, как перед Богом. Впрочем, почему – как? Все дела наши всегда перед Богом совершаются. Просто нужно об этом помнить и стараться, чтобы среди наших дел не было постыдных. И нет особого различия, домашние это наши дела или труды профессиональные. Доботно исполненная работа приносит людям радость, а халтура – раздражение и досаду. В одном случае мы стали помощниками Богу – источнику всякой радости, в другом – дьяволу, поскольку внесли в жизнь людей раздор (кстати, «дьявол» на греческом означает «разделяющий»).

Служение врача и священника (к ним я добавил бы – военного и педагога) отличается от прочих профессий тем, что довольно ярко и наглядно видно: ради кого или чего совершается служение, а также довольно часто видны плоды этого служения. Если же говорить о других профессиях, то бывает, что приносимая польза имеет довольно размытый адресат. Например, грузчик, который разгружает вагон, кому пользу своим трудом приносит? Потребителю продукта? Генеральному директору организации, на которую работает? Государству, которому от заработной суммы отчисляются налоги? Ответ на все эти вопросы – да. Но почувствовать

внутреннее удовлетворение мешает незнание: хороший человек воспользовался твоими трудами или ты пролил пот ради негодея? А иногда просто руки опускаются, потому что известно, что плодами твоих трудов воспользуется чужой и нехороший дядя. Должен успокоить: совершенно неважно, кто и когда воспользуется плодами твоих трудов, важно, что тебе-то они (труды) непременно зачтутся, даже самые незначительные. Поэтому, какой бы незначительной, обыкновенной ни казалась бы нам профессия, нужно трудиться на совесть и стремиться свои профессиональные навыки обращать на пользу людям, тогда любая профессия становится источником добрых дел.

Почему дается благословение солдатам на войну, ведь их посылают убивать людей?

Прежде всего, нужно заметить, что подобное благословение дается не всем и не автоматически. Церковь благословляет участие далеко не в каждом военном конфликте. Как раз в тех случаях, когда солдат посылают убивать людей, когда умерщвление противника является целью войны, благословение войнам Церковь не дает. А вот когда цель войны – защита отечества, когда главным мотивом её участников является любовь к своим ближним и желание оградить их от посягательств на жизнь и свободу, тогда возможна и нужна молитва о даровании Богом победы.

Конечно, убийство – грех, любое лишение человека жизни – зло, но мир, окружающий нас, не стерилен, в нём добро и зло довольно редко встречаются в чистом виде. Уверен, каждому приходилось – и не раз – выбирать не между добром и злом, а между большим и меньшим злом. Выбор, хотя и тяжел нравственно, но очевиден: между защитой прав агрессора и жертвы предпочтение должно отдаваться жертве. Это позволяет несколько оправдать тех, кто вынужденно совершает убийство на войне.

Все-таки человеческая кровь – не водица, поэтому церковные правила не сразу допускают воина, её пролившего, к главной святыне – причастию Святых Христовых Таин. Прежде этого должно пройти какое-то время, которое позволяет человеку остыть и почувствовать сожаление о том, что ему пришлось совершить, испытать своего рода жалость к тем, кто в ослеплении своем нашел смерть от его руки.

Если Христос сказал: не судить других, то, значит, судьи не спасутся? А спортивные?

Одно из моих церковных послушаний – настоятельство в храме в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость» в женской колонии. Время от времени от тех или иных людей, которые об этом узнают, мне приходится слышать примерно следующие слова: «Отец Александр, как же вы в колонии с ними общаетесь? Ведь это же убийцы, воровки, наркоманки...» В конце концов, такие вопросы подвигли меня задуматься о том, как же действительно оценивать человека, чтобы в зависимости от этого строить с ним отношения. Ответ не нов: «По плодам их узнаете их» (Мф. 7, 16). Но какие плоды нужно принимать во внимание? Возможны два принципиальных подхода к оценке человека. Первый – дать характеристику, опираясь на самый плохой поступок в жизни человека. Но тогда получится, что каждый из нас или подлец, или трус, или вор, или лжец или... ряд можно продолжать очень долго. Второй подход, как вы догадываетесь, – противоположный: выбрать самый хороший поступок в

жизни человека и сделать выводы. Получается удивительная вещь: о том же самом человеке (подлеце, воре, лжеце...) можно сказать, что он благородный, бескорыстный, смелый и прочая, прочая, прочая... (Этот ряд, к счастью, тоже может оказаться внушительным). Встает вопрос: как быть? Ответ есть – не осуждать. Всегда нужно помнить о нравственной сложности человека, о принципиальной невозможности, во всяком случае, для нас, людей, вывести его категоричную и однозначную оценку.

Однако категоричную оценку поступку того или иного человека дать мы можем. Мы можем сказать, что воровство – грех, а милосердие – добродетель, и не ошибемся. Судья как раз и призван дать оценку не человеку (что было бы осуждением), а его поступку, соотнося этот поступок с каким-либо сводом правил: либо с Уголовным кодексом, либо с правилами спортивных игр. Да, очень трудно, но нужно делать различие между человеком и его поступком. Пока судья не переходит этой черты – он не осуждает. А ведь именно об осуждении говорил Христос, а не о запрете давать оценку окружающим явлениям. Иначе пришлось бы автоматически отправить в ад не только судей, но и работодателей, увольняющих нерадивых работников, и учителей, ставящих детям оценки, и многих других людей, чья профессия связана с оценкой человеческих качеств.

Конечно, есть такое понятие, как профессиональная болезнность, профессиональная деформация, и не будет невероятным предположить, что судьи по роду своей деятельности более других рискуют согрешить против заповеди Христа никого не осуждать. Точно так люди, связанные с торговлей, больше других рискуют заболеть сребролюбием, а политики – многословием и лживостью. Такие повышенные риски, конечно, должны человеком осознаваться и требуют соответственной осторожности.

Впрочем, заповедь «не суди», как и всякая другая заповедь, касается каждого из нас. Конечно, она делает нас уязвимыми, ведь, предполагая в человеке лучшее, мы рискуем пострадать, доверившись ему, что, кстати, случается нередко и бывает больно. Но всё же лучше (я утверждаю исходя из своего, временами горького, опыта) ошибиться в человеке в лучшую сторону. Разочарование – оно всё же разовое ощущение: поболело и прошло, а подозрительность, мнительность и осуждение постоянно разъедают изнутри человеческую душу и портят, портят отношения буквально со всеми окружающими.

Ближнего мы должны любить как самого себя, так почему же самолюбие (эгоизм) – грех?

Любовь к себе – это желание себе всяческих благ. Это нормально и естественно. Но нужно принимать во внимание, что человек – не замкнутая система, и благо человека – не в накопительстве, а в жертвенной раздаче приобретенного. Подобным образом колодец создается для того, чтобы из него черпать воду. Если же колодец из эгоизма не захочет ни с кем делиться, то очень скоро вода в нем застоится и испортится. Так и душа эгоиста, живущего для себя, и только для себя, приобретает затхлый душок. Это противно естеству человеческому, не такими и не для этого нас сотворил Бог, и, как всякое противоречие воле Божией, это – грех.

Как же правильно любить себя? Я считаю, в любви к себе нельзя мелочиться: уж если желать себе чего-либо – так по максимуму, уж если хочется благ – то пусть это будут вечные

блага Царствия Небесного. Самые большие ценности на земле, без которых все остальные бонусы бессмысленны, – это жизнь и время. Потери всех других благ и ценностей могут быть восполнены, а этих – нет. И эти два исключительных блага – жизнь и время – Бог готов дать нам в непредставимо огромном масштабе: Он уготовал нам жизнь вечную. Нам остается просто взять предлагаемое Им, не отказываясь от этого дара, может быть, даже ради него пожертвовать какими-то другими, на его фоне безнадежно мелкими, благами. К этому и призывает Евангелие, которое говорит, что любая наша жертва в жизни земной – это приобретение в жизни вечной. Поэтому по-настоящему любящий себя человек – это человек жертвенный и самоотверженный. Такой вот парадокс.

Соответственно, человек, должным образом любящий себя, сможет правильно любить ближнего. Сможет увидеть и оценить: что для него нужно и что полезно – и поделиться тем, что имеет сам, имея в виду и более отдаленную перспективу – не навредить делу спасения души ближнего.

У меня умерла в самом расцвете сил единственная дочь. Как мне дальше жить?

Попробуйте выслушать, не перебивая.

Когда-то, лет десять тому назад, мне пришлось заниматься делом, на которое я теперь едва ли отважусь, – я искал деньги: обзванивал организации, беседовал с руководителями, пытался объяснить пользу того дела, на которые собирались средства. Поговорил я с многими людьми, и от одного потенциального «донора» услышал следующее: «Знаете, я, может быть, и помог бы Вам, но есть у меня такое свойство – я испытываю стресс каждый раз, когда расстаюсь с деньгами. Неважно, с большими или малыми, теряю ли я их или что-либо на них приобретаю – хоть и в разной степени, но каждый раз стресс испытываю». Я поразился, потом попытался понять – почему? И понял: у человека несколько искажено отношение к деньгам. Ведь деньги – это средство для достижения чего-либо, их призвание – быть потраченными, сами по себе они ценности никакой не представляют. На необитаемом острове миллионер не будет чувствовать никакой пользы от своих денег, потому что их не на что потратить. Так что нельзя привыкать к деньгам, нужно помнить, что они лишь на короткое время наши, а затем мы с ними неминуемо должны расстаться. Значит, надо учиться это делать.

Не только деньги, но и всё, чем мы в жизни владеем, – временно дано нам Богом, мы – лишь распорядители Его собственности. Ничто на земле не может считаться стопроцентно нашим, во всем мы лишь совладельцы с Богом, об этом нужно помнить. Даже люди, нас окружающие: наши родные, близкие, дети – они лишь в какой-то мере наши, собственные; лишь на какое-то время Господь даровал нам возможность быть с ними. Утрата близких всегда тяжела, но она становится многократно тяжелей, если человек привык к ним относиться как к некоей своей собственности. Я скажу вещь жестокую, но, думаю, правдивую: большая часть проливаемых слез на могилах наших родных и близких – это слезы не о них, а о нас самих. Мы стали одиноки, мы лишились какой-то радости в жизни, нам от этого больно, мы себя жалеем и о себе плачем. Мы испытываем стресс оттого, что чего-то лишились. Другая же часть слез – от того, что некого больше любить. Близкий человек умер, а любовь к нему осталась, и эта любовь приносит мучения, поскольку остается

неразделенной. Отсюда и уныние, часто – затяжное, и вопрос – зачем дальше жить?

Чтобы смягчить боль потери, нужно постараться понять, что наши дети – они на самом деле не наши, а Божьи. Это Он дал нам ни с чем не сравнимый, неоценимый исполненный радости дар – детей. Можно роптать на то, что дар этот временный, а можно благодарить Бога за то, что он у нас вообще был. Поэтому первый мой совет – постараться искренно поблагодарить Бога за то, что Он дал нам возможность (трудно сказать, чем заслуженную) иметь на протяжении какого-то времени источник радости и любви рядом с собой. Всем известны слова: «Бог дал, Бог и взял», но мало кто знает, кому они принадлежат (а у них есть автор), и мало кто знает продолжение этой фразы. Слова эти произнес праведный Иов, потеряв разом всё свое имущество, всех слуг и детей: «Наг я вышел из чрева моей матери, наг и возвращусь. Господь дал, Господь и взял и затем продолжил: Да будет имя Господне благословенно!» (Иов 1, 21). У человека погибли разом все дети, а он говорит: слава Богу! Не сошел ли он с ума? Нет. Он как раз увидел, оценил тот дар, которым обладал, осознал, что за это есть Кого благодарить. Получается, что мы начинаем что-то ценить, лишь потеряв это. Пусть так, но уж лучше потеряв благодарить Бога, чем не благодарить Его вовсе.

А второй мой совет – молиться. Человек умер, а любовь к нему жива, и, как всё живое, требует воплощения. Величайшее благо – то, что с приходом смерти человек не умирает. Жизнь его изменяется, и очень значительно, но продолжается – душа человека бессмертна. И любовь наша к усопшему выражается в заботе о его душе, в молитве за нее. А молиться нужно, потому что все мы грешны, и каждому из нас предстоит суд, и на этом суде будут приняты во внимание все деяния человека, и в том числе все свидетельства о нем. Наша молитва за усопшего – это как раз свидетельство и ходатайство пред Богом о помиловании. Особое значение молитвы за усопших имеют оттого, что сама душа уже ничего не может положить на ту чашу весов, где собраны её благие дела, а мы, живые, – можем. А значит – должны. Так что со смертью близких наша собственная жизнь приобретает новый смысл.

Если человек осознает это, то он поймет: что ему делать и как дальше жить.

Как вытаскивать из секты человека? Что в таких случаях делать?

В таких случаях главное – не терять связи. Цель сектантов (поэтому, кстати, их и называют сектантами) – изолировать, отсечь человека от общества. Это упрощает задачу внушения человеку того или иного мировоззрения. Человек отделяется от возможного источника критики, от возможности оценить ту веру, которую ему предлагают, сравнить её с воззрениями других людей. Все-таки верна древняя мудрость, что всё познается в сравнении. Чтобы лишить человека такой возможности, его и пытаются изолировать. Уж не знаю, является ли это результатом продуманной технологии, или же неосознанно, подсознательно нащупывается сектантами этот путь наименьшего сопротивления. Поэто-

У человека погибли разом все дети, а он говорит: слава Богу! Не сошел ли он с ума? Нет. Он как раз увидел, оценил тот дар, которым обладал, осознал, что за это есть Кого благодарить. Так получается, что мы начинаем что-то ценить, лишь потеряв это. Пусть так, но уж лучше потеряв благодарить Бога, чем не благодарить Его вовсе.

му, когда кто-то из наших знакомых попадает в секту, мы чувствуем, что он удаляется от нас. Соответственно, главные усилия должны быть положены на то, чтобы связывающие нас с человеком чувства и отношения не разорвать.

Нужно, чтобы человек ощущал: несмотря на разногласия, его любят, его всегда примут, его всегда выслушают, ему есть к кому идти, мосты не сожжены. И, конечно же, нужно иметь, что сказать человеку. Заблуждению в вере можно убедительно противопоставить не атеизм, а истинную и правильную веру. А для этого нужно веру знать: нужно интересоваться, читать, вникать, молиться, чаще бывать в храме, исповедоваться, причащаться – всё это вместе и может быть названо познанием или изучением веры. Вера должна быть искренней. Искренность обезоруживает, она обладает огромной убедительной силой. Но достигается она лишь путем всецелого воплощения веры в жизни, преодолением повальной болезни большинства россиян, считающих себя православными, когда верить-то человек верит, а живет так, как все – далеко не по-божески. Не будем забывать: главный и неопровержимый способ убеждения – собственный пример, ибо, по мысли святителя Григория Богослова, слово можно опровергнуть словом, а чем опровергнуть жизнь?

Если главная рекомендация по заданному вопросу – не терять связи, то естественным выводом из этого может быть совет: чаще общаться. В беседах с сектантами (я имею ввиду не прожженных профессионалов, а интересующихся, искренних искателей истины) нужно взывать к разуму, здравому рассудку человека, почаще ставить его перед вопросом о вере, о тех сторонах веры и жизни, которые обособливают сектантов от прочего мира, и предлагать задуматься, самому дать оценку спорному явлению. Нужно помнить, что здравое рассуждение сектантам – враг, а нам – помощник. Еще один совет: не насилуйте человека, пусть и сектанта, не старайтесь опорочить его веру. Попробуйте разглядеть в человеке то, благодаря чему он попал в секту: если его глубинным двигателем был поиск истины, то нужно просто помочь человеку продолжить этот поиск. Тогда пребывание в секте может стать для него не только и не столько духовной трагедией, сколько очередной ступенькой на пути к Богу.

Я хочу освятить квартиру. Нужно ли при этом «накрывать поляну» батюшке?

Я бы порекомендовал это сделать. Не для того, чтобы при случае воспользоваться результатом услышанного совета, а потому, что считаю это проявлением гостеприимства. Которое, в свою очередь, считаю одной из самых главных добродетелей, приносящей, к тому же, человеку особую радость. Мне искренне жаль того, кто не испытывает

радости от приготовлений к приходу гостя, от того, что всё самое лучшее, припасённое давным-давно, ставится на стол, от особенного стиля общения за трапезой. Гостеприимство, связанное с ним особенное чувство жертвенного покровительства и опеки хозяина по отношению к гостю моё сердце, например, греет, и я искренне хотел бы, чтобы это чувство было знакомо и другим. К тому же освящение квартиры – не рядовое, а праздничное, радостное событие, и наличие трапезы придает чувству праздника особый оттенок.

Другое дело, что в понятие «накрыть поляну» можно вкладывать различный смысл. Застолье, на мой взгляд, совершенно не обязательно должно быть богатым и обильным градусами. Излишества портят общую картину любого события, поэтому всё должно быть красиво, приятно и в меру. Есть такое выражение – «скромненько, но со вкусом»; если малость достатка не позволяет человеку подавать красную икру на чешском хрустале, то это не повод смущаться, нужно угощать тем, что есть, а главное – от души. Поверьте, никакой обиды этим никому не причиняется, потому что ценится не дороговизна стола, а радушие хозяина.

Для меня как для священника наличие «накрытой поляны» означает еще и возможность продлить общение с человеком. Ведь наш обыватель, прямо скажем, не избалован общением с лицами духовными, хотя, по моим наблюдениям, питает к этому немалый интерес. Удовлетворению этого интереса мешает некая сословная обособленность духовенства: священники выглядят замкнутыми, они бородаты, одеты как-то не как все, чаще всего из их уст слышна речь не разговорная, а церковно-славянская, и вообще, они какие-то... не от мира сего. Как к такому подступиться с вопросом? Далеко не каждый осмелится преодолеть эту «полосу отчуждения» между почти небожителями, как воспринимает священство большая часть обывателей, и простыми смертными. Общая же трапеза сближает людей: человек видит, что батюшка, оказывается, как и все люди ест и пьет, не стесняется приналеж на понравившееся блюдо, от нахождения рядом с ним, оказывается, можно не каменеть от священного трепета. Робость проходит и развязывается мешок с вопросами. И какая же радость священнику видеть, что у человека есть интерес к духовной жизни! Прошу, не лишайте батюшек такой радости, не стесняйтесь «накрывать поляну».

Что такое кротость?

Если бы прилагательное «безобидный» не имело оттенка безвольности, я бы привел его как синоним кротости. Давайте мысленно этот оттенок отсечем, а затем вспомним такое выражение: «рука не поднимается», теперь можно попытаться охарактеризовать кроткого человека как человека, у которого рука не поднимается кого-либо обидеть, который органически на это не способен. Если интересы этого человека сталкиваются с интересами другого, то он уступает, скорее пойдет на убытки, чем будет защищать свое место под солнцем, ущемляя другого. Таким образом, понятие кротости приобретает еще и жертвенное, самоотверженное звучание, а позиция такого человека становится достойной уважения: «Пусть мне будет хуже, пусть я обрекаю себя на «неудачничество», но вариант «с волками жить – по-волчьи выть» не для меня». Согласитесь, редкий человек способен на такой выбор. Для этого нужно обладать немалой волей и твердыми жизненными принципами. Та-

ким образом, кротость приобретает особое звучание – это способность укрощать свои страсти, свои запросы, свои интересы, одним словом – свой эгоизм. Иначе говоря, речь идет о самообладании.

Моя попытка в нескольких словах охарактеризовать одну из главных христианских добродетелей, как видите, несколько исправляет расхожее представление о кротости как беззубости, тотальной уступчивости, неспособности иметь свое мнение. Благодаря этому становится понятным, почему церковные молитвословия называют кроткими, например, Давида – пророка и царя, или же благоверного князя Александра Невского, людей решительных и твердых.

Споры о вере: как быть, если избежать их невозможно, а ответить на доводы не знаю чем?

Ситуация знакомая, думаю, каждому. Видимо, подобная ситуация послужила поводом к перефразировке известного утверждения о том, что в споре рождается истина. Зачастую в споре истина не рождается, а губится, поскольку интеллектуальное или психологическое превосходство (часто – манипулятивное) далеко не всегда сопутствует правоте. Более того, понимание истины как нравственной категории делает её еще более уязвимой в споре. Ведь есть методы ведения войны, на которые добро никогда не согласится, а зло их использует, и побеждает, подобно тому, как побеждали большевики благодаря своей тактике расстрела невинных заложников. Подобное часто происходит в споре, этому очень наглядно учат телевизионные ток-шоу: победителем будет выглядеть не тот, кто прав, а тот, кто громче кричит. Как же быть? Отказ от спора – автоматическая капитуляция. Как любить при случае вернуть непримиримые любители полемики: «Молчаньем предается Бог». Участие в споре – выставление себя посмешищем, да не только себя, но и веры, и Церкви, которые в споре неумело защищаются. Выход – участвовать в споре, но не спорить. Как это возможно? Довольно просто.

Прежде всего, необходимо положить различие между своей позицией и позицией Церкви. Тогда поражение в споре затронет только лично его (спора) участника, и тень этого поражения до Церкви может не дотянуться. Делается это примерно в следующих фразах: «Православие, насколько я его понимаю, утверждает ...» и далее следует утверждение. Вполне возможно, что выявившаяся в споре ошибочность будет касаться как раз не Православия, а нашего личного восприятия веры, а оно, действительно, может быть ошибочным.

Во-вторых, истина обладает достаточно убедительной силой сама по себе и может не нуждаться в наших попытках её как-то подтвердить. Искреннее утверждение: «Бог есть!» убеждает гораздо лучше, чем подробное перечисление соображений, подтверждающих эту мысль. Поэтому бывает достаточно обозначить точку зрения Церкви, пусть она прозвучит. Даже если она не будет принята оппонентом, даже если мы не сможем, в силу своей ограниченности, защитить её от нападок – она будет провозглашена. И это уже немало. Потому что после этого начинает действовать закон семени: брошенное в землю, оно прорастает. Пусть не сразу, не на наших глазах, пусть оно годы лежит в запасниках памяти нашего оппонента, всё равно остается некая вероятность его прорастания. А это уже не отрицательный, и даже не нулевой результат, это все-таки какое-то очко в нашу пользу.

Протоиерей Александр Лебедев